

Русский национализм как проблема российской общественности Попытка философской проблематизации

Перед данными размышлениями поставлена не просто двойная, но и методически двойственная задача: 1) проблематизировать использование топоса «национализм» в российских общественно-политических дебатах последнего времени, особенно на фоне ряда громких происшествий, ставших «событиями» для либеральной общественности (т.е. здесь не рассматриваются теоретические достижения «профессиональных националистов», «патриотов» и т.д.); 2) спровоцировать *квалифицированную* дискуссию, в ходе которой участники пытаются не «победить» оппонента посредством публицистических или риторических приемов типа обличения его морального облика, а скорее стремятся прояснить довольно запутанную семантическую ситуацию вокруг современного русского национализма с целью коррекции сложившейся дискурсивной практики. Очевидно, что решение даже одной из названных задач трудно осуществимо в рамках столь ограниченного формата. Тем не менее здесь предпринимается попытка внести определенный дискурсивно-аналитический вклад в хотя бы частичное «решение» вопроса о русском национализме. В виду имеется более или менее адекватное и продуктивное для дальнейшей дискуссии теоретическое решение — естественно промежуточное. «Окончательное» решение как всегда остается за общественной практикой.

Культур-предприниматели в «конфликте без артикуляции» (Ч. Тэйлор)

В ходе интерпретации различных происшествий недавнего времени, получивших политическую окраску, довольно часто всплывает топос «*национализм*», как правило, в компании других дискурсивных страшилок: шовинизма, расизма, ксенофобии и, конечно же, антисемитизма. Причем, как правило, все эти идеологические конструкты — с различной идейно-исторической и дискурсивной судьбой — используются «прогрессивной общественностью» чуть ли не в качестве синонимов, выражающих некое ничем не обоснованное,

и потому труднообъяснимое помутнение разума у значительной части населения нашей страны (типа «Россия, ты сошла с ума!»). Тем самым становится невозможным никакое предметное и эмоционально нейтральное общественное обсуждение проблем *национального, русской нации* и «ее» национализма. Однако странным образом подобное табуирование затрагивает общую коллективную идентичность *лишь* большинства страны, т. е. этнически или культурно русских — националистический дискурс же нерусских элит воспринимается как чуть ли не само собой разумеющееся. Так, даже явно ксенофобские (антирусские и антиеврейские) высказывания лиц из окружения В. Ющенко воспринимаются российской демократической общественностью в качестве легко объяснимой болезни роста молодой украинской демократии. Не говоря уже о довольно странной оптике восприятия прибалтийских сегрегационных режимов откровенно апартеидного типа («улучки старой Риги» явно затмевают поражение в правах сотен тысяч наших соотечественников) или же маниакально-антироссийского грузинского руководства («улучки старого Тифлиса» vs национальные интересы нашей страны)...

Одним словом рамочные условия общественной дискуссии о русском национализме внутри России значительно отличаются от таковых в большинстве других государств, давно осуществивших «националистический переход» (а некоторые — даже второй). В результате невозможности заинтересованного, но спокойного и даже технического (само)прояснения русской национальной идентичности в рамках артикулированного дискурсивного процесса весь тематический комплекс *нация/национализм* неизбежно маргинализируется, даже «аморализируется», оказываясь идеальным средством самопрофилирования для различных групп и персонажей. Отказ интеллектуальной элиты вести серьезный разговор на тему соотношения национального (русского) и государственного (российского) приводит к оптическому обману. Ей кажется, что среди русского населения (особенно среди нон-адаптантов или адаптантов низкого уровня) развита поголовная ксенофобия. Ограбленные и униженные в ходе т. н. «реформ» жители сельской местности, малых и средних городов, лица с низким уровнем образования и отсутствием социально приемлемого дохода, — а это по-прежнему большая часть населения страны — превращаются в глазах высокомерных либеральных интеллектуалов во врагов «демократии и прогресса», так как вынуждены самостоятельно искать ответы на ключевые вопросы русской жизни. Особенно «неприятными» тогда оказываются наивные («народные») версии ответов на вопросы, связанные с двойным отчуждением власти/собственности — социальным и национальным, учитывая очевидно непропорциональную этническую структуру хозяев новой России. На такой, например: почему миллионы русских людей оказались подвержены эксплуатации со стороны якобы *эффективной и наиболее транспарентной*, а на деле компрадорской и космополитической бизнес-элиты, да еще с израильским гражданством (что пока не характерно для большинства граждан РФ), присвоившей себе значительную часть национального богатства? («Еврейский вопрос»). Или такой: почему миллионы других русских людей вынуждены работать на якобы *особо экономически активных* выходцев из ближнего (Закавказье) и внутреннего зарубежья (Северный Кавказ), во многих регионах поставивших под свой контроль целые отрасли экономики (торговля, питание и сфера

обслуживание, развлечения, транспорт и др.)? («Проблема кавказцев».) Или же на главный «геополитический» вопрос: что означает признание политической и общественной элитой страны в качестве *межгосударственных границ* того, во многом контингентного и условного административно-территориального деления, осуществленного в рамках единой страны (и общей властной элиты), в результате чего наш народ превратился в разделенную нацию? («Украинский вопрос».) Список подобных «наивных» вопросов можно при желании продолжить. Такие хорошо опробованные средства как *Denkverbot*, интеллигентская политкорректность и вездесущий пафос обличения хороши лишь для саботажа любого разговора по существу. Однако если интеллектуальная элита страны по каким-либо причинам отказывается выполнять свои прямые функции (по Бурдые, интеллектуалы — специалисты по обращению с символическими формами), т. е. конструировать, интерпретировать, конкретизировать, а в случае социального запроса и корректировать социальную реальность в рамках собственного поля символического производства и собственных процедур внутренней конкуренции и верификации жизнью, то не следует удивляться, что это сделают другие.

Пока же, как известно, лидеры российской интеллектуальной сцены реализуют совсем иные стратегии (*self-management'a* в поле символического производства): одни неумоимо издают тома-кирпичи «исследований» западной мысли, другие в рамках продвинутых *cultural studies* занимаются какой-нибудь «философией диафильма», а третьи активно создают собственные дисциплины и концепции, вплоть до теорий времени и пространства. В общем, им как бы нет никакого дела до того, что в действительности происходит со страной и народом. Ведь подлинными репрезентантами социального знания современной России о самой себе стали некоторые наиболее одиозные политтехнологи. Одним словом, современная русская мысль в значительной степени является национально и политически индифферентной, если не сказать безответственной. Возможно, мы имеем дело с известным парадоксом свободы самовыражения: когда она неожиданно наступает, то многим попросту нечего сказать по существу.

Поскольку внутри собственного пространства интеллектуалы, производящие семантические инновации, ведут борьбу против других не (с)только за истину, но и за себя, т. е. за укрепление собственных позиций в этом поле, то сама логика функционирования поля приводит к тому, что «зброшенные» мейнстримом темы осваиваются отесненными на периферию пролетароидными интеллектуалами («*les parvenus de la science*»). Именно в этом функциональном пространстве возникают те рефлексивные продукты, которые позволяют антиципировать, интерпретировать и легитимировать альтернативное социальное — экономическое, научное или политическое — действие, т. е. осуществлять самореферентное открытие новых перспектив и целей коллективного действия. В этом смысле борьба идей за иную, «более адекватную» коллективную (национальную) идентичность является частью процесса модернизации и тесно связана с политическим противостоянием, в котором решается вопрос о типе и способах организации общества. Таким образом культурное пространство плавно переходит в пространство политическое. Так что борьба интеллектуалов за семантические изменения в рам-

ках националистического дискурса должна представлять не только теоретический интерес...

Без сомнения в этом контексте существует угроза инструментализации (идейной) традиции. Прежде всего это касается т. н. «русской философии»: она особенно часто используется определенными националистическими кругами в качестве адекватного выражения русской духовности и национальной самобытности, противостоящей бездуховному западному сознанию. Здесь «русская идея» служит легитимации *особого* пути России, которая не нуждается ни в какой модернизации по европейскому образцу. Однако основная проблема философского анализа «проблемы русского национализма» заключается в том, что эти, важнейшие для определения национально-культурной конституции дебаты о коллективной идентичности (нации) ведутся каким-то странным, досовременным, метафизически-романтическим образом, с активным использованием арсенала морально-этических суждений — причем как со стороны подобных «особистов», так и их прозападно-либеральных оппонентов. Поэтому делом философии во всей этой истории может стать традиционное для нее занятие — аналитическое уточнение семантики и прагматики базовых для любой серьезной «националистической» дискуссии понятий — *нация, империя, Россия, русский, совместное прошлое/будущее, национальная солидарность, социальная справедливость* и т. д.

В соответствии с этим старый «русский вопрос», вновь ставший столь актуальным, предстает в виде важнейшего и наиболее чувствительного, но все же частного — в рамках темы «Россия и модернизация» — вопроса о возможности возникновения и устойчивого существования (укоренения) коллективной идентичности акторов современного типа с русским (российским) происхождением. Благодаря переводу на другой теоретический язык становится возможным переформулирование вопроса, релевантное в контексте актуальных дебатов, ведущихся относительно соотношения локального / глобального и их идентичностей в современном мире. Вклад философской работы в столь длительную дискуссию со столь значительным корпусом текстов мог бы заключаться в «базовой гипотезе интерпретации» (П. Штекелер-Вайтхофер): ведь часто важнее развить некоторую — в данном случае новую, (и всегда хочется надеяться) интересную и когерентную в себе — рамочную возможность интерпретации, чем доказывать, что она во всех деталях дословно подходит к понимаемому тексту или истолковываемому явлению. Естественно не может быть и речи о том, что предлагаемая интерпретация может быть настолько «правильной», что исключает все остальные альтернативы. Амбиции последнего типа помимо своей архаичности и без того являются методически вторичными...

Таким образом очевидно, что подобный философский перевод вовсе не гарантирует окончательного решения структурной проблемы коллективной идентичности, принимающей в условиях Современности форму политического национализма с различным соотношением этнического и культурного компонентов. Как уже говорилось, здесь мы имеем дело с одним из аспектов дилеммы, ставшей ключевой для любой модернизирующейся страны — дилеммы соотношения Традиции и Современности. Ее приемлемое решение возможно лишь в результате социального действия, в т. ч. профессионального

действия интеллектуалов, в результате политических изменений — благодаря тому, что люди выберут более совершенные формы их сочетания, по крайней мере на какой-то срок. В этом смысле девизом подлинно свободного дискурсивного процесса должно стать: *La lotta continua!*

Вперед в прошлое?

Почувительным в этом смысле может быть даже беглое знакомство с трудами, посвященными осмыслению национально-государственных проблем России и написанными нашими предшественниками в другой переломный момент ее истории — в начале XX века.¹ Распад форм государственности, не выдержавших испытания временем, «внезапное» пробуждение национализма, как в центре, так и на окраинах империи², часто запоздалые и тщетные попытки русских интеллектуалов определить национальную и государственную сущность России, предложить адекватный проект коллективной общеимперской идентичности — все это кажется нам до боли знакомым.

Итак, уже тогда одной из острейших являлась «проблема» русской идентичности — государственной, культурной, национальной. Ее поиск не только составляет важнейший для русской мысли топос (более известный под заголовками «Запад и Россия», «Интеллигенция и народ»), но и является конституирующим для всей русской культуры, включая великую русскую литературу XIX века. Тесно связанные с проблемой отношения к *Другому* (Европе, Западу) поиски адекватной самоартикуляции уже как минимум три века относятся к основаниям культурной конституции нашего общества. Это обстоятельство было точно выражено Достоевским в его знаменитой формуле: «У нас, русских, две родины — Россия и Западная Европа». Таким образом, речь идет о первичной «шизофрении» русской культурной конституции, до сих пор задающей структурные рамки общекультурного развития, а не лишь об одной из тем, волнующих нас наряду с другими. Очевидно, что подобные поистине экзистенциальные вопросы о культурной идентичности людей, действующих в условиях Модерна, до сегодняшних дней остаются актуальными как для России, так и для многих других обществ. Одновременно они являются вопросами об источниках и статусе норм и институтов, понимаемых как структурные рамочные условия коллективного (социального, национального, общегосударственного) действия.

При этом задача русских интеллектуалов сегодня, как и 100 лет назад, заключается в том, чтобы ответить на эти важнейшие вопросы о смысле национального бытия. То есть в том, чтобы из интеллектуальной перспективы предложить ключевые образы, понятия и метафоры, которые позволи-

¹ См. например: *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М.: СКИМЕНЬ, 2004. («Русские думы»).

² В этой связи представляет интерес ироническое замечание, которое сделал в своих мемуарах убежденный украинофил Е. Чикаленко: если бы потерпел крушение поезд Киев-Полтава, в котором в 1903 году ехала делегация на открытие памятника Котляревскому, то это означало бы конец украинского движения на долгие годы, если не на десятилетия — практически все его активисты помещались в двух вагонах. См.: Чикаленко Е. Спыхады (1861–1907). New York. 1955. С. 337.

ли бы интерпретировать прошлое, тематизировать и проблематизировать настоящее, концептуализировать будущее нашей страны и нашего народа. В этом смысле современная ситуация в российском обществе и в российской мысли *volens nolens* напоминает ситуацию рубежа XIX–XX веков: «ученая», «культурная» проблема национальной самоидентификации по-прежнему является острой проблемой политики и самой жизни. Попытки и последствия тогдашнего «решения» этой важнейшей жизненной, а не только научной проблемы, известны. Однако как показывает русский опыт в XX веке, «справиться» с проблемой образования национально-культурной и государственной идентичности на определенном этапе модернизации вовсе не означает «решить» ее окончательно. Или, говоря словами Хайдеггера: в этом рефлексивном процессе *Gefragtes*, *Befragtes* и *Erfragtes* идентичны самим *den Fragenden...*

Темы, поднимавшиеся нашими предшественниками, действительно поражают своим сходством с заголовками сегодняшних газет: это, например, соотношение национального и имперского в русской государственности, «украинский вопрос», перспективы соединения либерального и национального принципов. Последняя проблема, наряду с вопросом об отношении к по-прежнему безуспешным попыткам утверждения украинской государственности, звучит особенно актуально в свете современных дебатов о будущем России как либеральной империи. Это неудивительно, учитывая печальные итоги русского XX века: в течение столетия не удалось решить ни одного из «проклятых» вопросов русской жизни: ни вопрос адекватного государственного устройства, ни вопрос соотношения российского (государственного) и русского (национального), ни уж тем более вопрос справедливого распределения национального богатства. Одним словом, постоянно возникает ощущение, что вся дискуссия о национальной и государственной идентичности России вернулась к своему исходному пункту, как будто этого столетия в российской интеллектуальной истории просто не было. Однако его не вычеркнешь, ведь тогда нам придется вычеркивать наших великих предков, прямых духовных учителей, собственный скромный интеллектуальный опыт, т. е. самих себя.

Следовательно, сокровищница мысли интеллектуальных предшественников должна стать для нас не неким *vademecum*, но скорее источником вдохновения или даже интеллектуальной провокации. Тогда на первый план здесь выходит проблема доступа к исчезнувшему континенту русской политической мысли начала XX века. И в данном контексте решение задачи перевода языка активно разыскиваемой и изобретаемой традиции на язык современной мысли — единственный способ избежать ситуации, характеризующей взаимным социально-семантическим отчуждением — своего рода «конфликтом без артикуляции» (Ч. Тэйлор).

Что же означали слова «нация», «народ», «государство» или «империя» тогда и сейчас? Что вкладывалось в понятие «русский» или «Россия» сто лет назад и сегодня? Как известно, в истории политических идей имеются различные варианты ответов на эти, видимо, вечные вопросы русской жизни: от версий биологического национализма до либерального империализма. Для многих озадаченных русской историей будет, безусловно, небесполезным знакомство с духовными опытами русских политических мыслителей XX века.

Ведь многие из наших нынешних, «внезапных» — по зову ли сердца, под воздействием ли последней интеллектуальной моды или по указке сверху — либералов, левых, консерваторов, националистов и империалистов сегодня как бы заново изобретают велосипед и даже не подозревают о той громадной духовной работе, интеллектуальном поиске, что уже однажды был проделан русскими мыслителями различных идеологических направлений. Однако продуктивное и потому оригинальное интеллектуальное творчество трудно представимо без понимания своего места в рамках национальной культурной традиции, т. е. не только среди своих *Zeitgenossen*, но и среди своих *Raumgenossen*, как называл предшественников по нации немецкий консервативный мыслитель Адам Мюллер.

Например, знакомство с русской мыслью конца XX века позволяет сделать странный на первый взгляд вывод о том, что программа «державного самоуменьшения» не является исключительно либеральным продуктом: «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас и всасывает, и ускоряет нашу гибель», — писал А. И. Солженицын в 1990 году в своей знаменитой статье «Как нам обустроить Россию». Однако опыт последних 15 лет показал всю иллюзорность ожиданий, что Россия когда-либо может или должна стать «нормальной», «европейской» страной — что-то вроде благополучной Дании — с «цивилизованным» населением-носителем соответствующей идентичности. Многим, наконец, стало очевидно, что «нормальная европейская страна» не может одновременно граничить и с Норвегией, и Японией, т. е. что в случае России речь по-прежнему идет о государстве-континенте, включающем в себя до сотни стран и народов. Обычно для обозначения подобных наднациональных образований используется *terminus technicus* «империя». И объяснять многие «трудности переходного периода», а также ментально-геополитические затруднения многих наших сограждан, вызванные утратой прежней идентичности, исключительно постимперской ностальгией или Веймарским синдромом (Е. Гайдар) означает не признавать силу фактического: в ценностно-нейтральном, техническом смысле Россия по-прежнему является империей и нуждается в соответствующей культурно-национально-государственной идентичности, позволяющей интегрировать не только живущие на территории РФ народы, но предложить перспективу неизбежного *per definitionem* совместного будущего для тех народов или их частей, что остались за бортом *ЭрЭфши* и, тем не менее, не видят перспективы самостоятельного выживания хуторских экономик в условиях конкуренции глобальных рынков. Крах проектов большой русской нации в 1917 и советской исторической общности в 1991 годах должны послужить здесь хорошим уроком для всех, кто понимает необходимость объединения наших народов, которые в ином случае сойдут со сцены истории уже по демографическим причинам...

Более того, можно прийти к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что приоритет в разработке имперской темы принадлежал именно российским национал-либералам. В этой связи трудно не вспомнить тезис А. Б. Чубайса о России как либеральной империи, восстанавливающей свое влияние в мире, прежде всего, за счет экономического превосходства. Это звучит как прямое цитирование Анатолием Борисовичем статьи Петра Бернгардовича Струве, опубликованной в «Русской мысли» еще в 1908 году: «Вели-

кая Россия для своего создания требует от всего народа и прежде всего от его образованных классов признания идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо созидать Великую Россию значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной»³. Как бы то ни было, это созвучие (через сто лет!) мыслей двух ярких представителей русского либерализма лишь подчеркивает всю актуальность, т. е. нерешенность задач объединения дела русской свободы с делом национальным и государственным. В очередной раз в России так и не произошло гегелевского «*Versöhnung*» осмысленного, заработанного своим трудом и умом богатства с народными представлениями о социальной справедливости и социальной ответственности. Остается лишь надеяться, что нынешнему поколению российских политических и интеллектуальных элит удастся совершить национальный и социальный поворот до того, как они вновь окажутся на обочине истории.

Трудности российского общественного дискурса с русским национализмом — как в концептуально-мировоззренческом смысле, так и в смысле социально-технологической экспертизы — в очередной раз демонстрируют амбивалентность российской модернизации, которая заключается как в решении проблемы соотношения Традиции и Современности как источника культурной идентичности акторов, действующих в Модерне, так и в признании чужого, (морально и социально) более успешного опыта решения проблемы организации социального порядка, чем собственный. Также очевидно, что распространение философского и общественно-теоретического дискурса на другие культурные регионы само является интегративной и весьма значительной частью модернизации.

³ *Нация и империя*. С. 211.